

УДК 81'42:82-1/29

ФИЛОСОФИЯ НАДЕЖДЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Н. Н. Ростова

PHILOSOPHY OF HOPE IN THE POETIC DISCOURSE

N. N. Rostova

Статья посвящена комплексному описанию концепта «надежда» на уровне поэтического дискурса. В работе сопоставляется обыденное и философское понимание национальной константы «надежда», выделяются её концептуальные смыслы, заложенные в обыденном сознании. Определяется место концепта «надежда» в ряду смежных концептуальных образований: «вера», «терпение», «судьба», «безнадёжность» и др.

The article is devoted to the complex description of the concept "hope" at the level of poetic discourse. In this work the ordinary and philosophical understanding of the national constant "hope" is compared and conceptual senses, placed in the ordinary consciousness, are pointed out. The concept "hope" place is found in the row of adjacent concepts: "faith", "tolerance", "fate", "hopelessness" and others.

Ключевые слова: концепт «надежда», обыденное сознание, научно-философская интерпретация, поэтический дискурс.

Key words: concept "hope", casual mind, scientific-philosophic interpretation, poetic discourse.

Надежда парадоксальна. Ее парадоксальность заключается в том, что она незримо присутствует в жизни каждого человека, оказывает определенное воздействие на мирозерцание и бытие индивида и общества в целом, но в то же время надежда остается самой неизученной из онтологически важных констант, загадочной и таинственной. Эрнст Блох заметил, что надежда – это «место в мире, которое обжито, как наилучшая культурная страна, и не исследована, как Антарктика» [Bloch E. 1997. С. 5].

Другая сторона парадоксальности надежды заключается в невозможности однозначно определить ее сущность. Такой подход будет страдать фрагментарностью и одноаспектностью исследования. В данном направлении движется русская религиозная философия, трактующая надежду как одну из нравственных добродетелей.

Интегральный подход призван отчасти восполнить этот пробел, осветив, по крайней мере, четыре измерения надежды: гносеологическое, онтологическое, аксиологическое и функциональное. В результате надежда представляется как многоуровневое, многоаспектное и полифункциональное явление.

Целостному постижению феномена надежды способствует ее изучение с позиции индивидуального и коллективного сознания. Коллективное представление о надежде находит свое отражение в обыденной картине мира. Философская картина мира состоит из совокупности индивидуальных представлений о надежде, отражающих разные точки зрения, разные аспекты понимания надежды в истории философской мысли.

При соотношении обыденного (коллективного) и философского (индивидуального) знания наблюдается определенная степень совпадения и расхождения. Сущностные характеристики надежды, сформированные и зафиксированные обыденным сознанием, получают дальнейшую обработку и развитие в индивидуальных философских концепциях, иными словами, обыденное знание о предмете является базовым, лежащим в основе знания научно-

философского. За пределами философской картины мира остаются обыденные представления, не удовлетворяющие специфическим требованиям научно-философского знания.

Поэтическая интерпретация концепта представляет собой вторичную реальность, которая не только реализует концептуальные смыслы, заложенные в обыденном сознании, но и открывает новые, субъективно обозначенные смыслы, частично совпадающие с индивидуальными философскими представлениями.

Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман.

(Пушкин А. С. Погасло дневное светило).

О сны моей последней ночи,
О дым, о дым моих надежд!
(Гиппиус З. Крылатое)

В представленной парадигме: надежда – обман – дым (иногда сон) – общий объединяющий признак – иллюзорность.

Мысль об иллюзорности, тщетности наших надежд неоднократно возникала и в истории философской мысли. А. Шопенгауэр, выделяя в надежде в первую очередь этическую сторону, рассматривал ее как одно из самых больших зол, которое обманывает человека, обещая невозможное, тем самым продлевая и без того полную страданий жизнь. Если Альбер Камю утверждает, что надежды затмевают ясность видения мира и, следовательно, препятствуют его адекватному познанию, то М. Мамардашвили идет дальше, провозглашая невозможность объективного познания самого себя при наличии надежды.

И медленно в душе твоей
Надежда гибнет, гаснет вера.

(Пушкин А. С. Руслан и Людмила)

Интересным представляется вопрос о соотношении надежды и веры. Между верой и надеждой обыденное сознание не проводит четкой границы, надежда ассоциируется с верой. Обыденное знание не выходит за пределы чувственно-ментальной сферы бытия человека. В связи с этим в концепте «надежда» доминирующим является эмоциональный компонент, связующие концепты «надежда» и «вера», т. к. оба явно или неявно заключают в себе положительный эмоциональный отклик, они обращены к лучшему будущему и имеют положительную коннотацию. Научная философия проникает в разные сферы человеческого бытия, поэтому имеет больше параметров, по которым можно сопоставить надежду и веру.

В отличие от надежды, вера основана на опыте и интуиции, мировоззренческих установках индивида. Для существования надежды этот фактор не является решающим.

Акты веры подлежат практической проверке. Всякое знание включает в себя элемент веры, следовательно, можно говорить об определенной степени соотношения веры и знания. Истинность или ложность заложенного в веру знания, проверяется временем. Это не всегда можно сказать о надежде. Иногда надежды бывают устремлены в неопределенное будущее.

Вера имеет конкретный, уже существующий объект, возможно, мифический. Объект надежды не всегда сформирован, мыслится как нечто желаемое.

Вера различает и выбирает верный вариант из уже имеющихся. Надежда, основанная на доминанте эмоционального компонента, этого не различает, так как объектом надежды выступает всегда желаемое, как бы неразумно оно ни было.

Надежда возникает в ситуации колебания духа от уверенности к сомнению. Вероятность укрепления надежды мала, но желаемая. Вера имеет под собой твердые основания, она не допускает сомнения и колебания духа.

Таким образом, в обыденной философии нет четкого разделения надежды и веры, т. к. выделяется общий эмоциональный компонент: «направленность к позитивному будущему». Научная философия конкретизирует преобладание эмоционального компонента в надежде и интеллектуального компонента в вере.

Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, –

Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осень,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
(Пушкин А. С. Демон).

Надежда, будучи ожиданием, уверенностью в наступлении благоприятного, радостного события, в некоторой степени представляет собой предвкушение, предощущение удовольствия. Наслаждение –

«высшая степень удовольствия» [СО, 1987, с. 391]. В парадигме надежда-наслаждение представлено нарастание признака «предощущение удовольствия» до его максимального развития. Временная ограниченность выступает показателем того, что период нарастания признака закончился. Воздействие тоски на надежду и наслаждение является следствием разочарования в ожидаемом. Предвкушение, предощущение удовольствия было сильнее и радостнее, чем осуществление самых желанных надежд.

В философской концепции А. Шопенгауэра мы встречаем аналогичную мысль. Философ понимает надежду как мысленное предощущение, радость которого несравнима по силе воздействия с ощущениями, которые мы испытаем в момент осуществления надежд. Предощущение оказывается реальнее и весомее осуществления самих надежд, которые в момент осуществления несут разочарование и страдание.

Опять весна; опять смеется луг,
И весел лес своей молодой одеждой,
И поселян неугомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.
(Евг. Баратынский. На посев леса).

Пред промыслом оправданным ты ниц
Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утолненным разумьем...
(Евг. Баратынский. Осень).

Парадигма покорство – надежда – смиренье объединена общим признаком «терпение».

Соотношение надежды и терпения в истории философии носит характер противоречивый, определяющийся национальным своеобразием.

Слова «терпение» и «терпимость» восходят к общеславянскому корню с первоначальным значением «неметь, твердеть, застывать» [Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. 1971. С. 441], который этимологически обозначал некое физическое состояние. В современном русском языке «терпение» и «терпимость» соотносятся с духовной сферой человеческого бытия и выступают в качестве паронимов. «Терпение», согласно словарю Ожегова С. И., имеет несколько значений:

- 1) способность безропотно и стойко переносить что-нибудь (страдание, боль, неудобство),
- 2) настойчивость, упорство и выдержка в каком-нибудь деле, работе.

«Терпимость» употребляется для обозначения:

- 1) того, что можно терпеть, с чем можно мириться,
- 2) умение без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению.

Эти слова обозначают некие обобщенные ситуации социального мироустройства, прототипическим свойством которых является стремление субъекта к сохранению равновесия, несопротивление внешним обстоятельствам, примирение с ними. Обстоятельства эти, безусловно, носят негативный характер. Именно в такой момент возникает необхо-

димось в терпении, терпимости и надежде. Имманентным объединяющим свойством и надежды, и терпения выступает устремленность к благоприятному будущему, пассивность носителя надежды.

Такого рода отношения сопряженности терпения и надежды характерны в первую очередь для русского менталитета.

Эта сопряженность верифицируется существованием в русском языке слова «авось», не имеющего аналогов в других языках. Согласно словарю Ожегова С. И. [Ожегов С. И. 1987. С. 302], «авось» обозначает «может быть (о том, что желательно для говорящего, на что он надеется)». Выражение «на авось» – на случайную удачу. Таким образом, и «авось», и «надежда» выражают установку на благоприятное, желаемое событие, но в «авось» заложено больше непредсказуемости, случайности, безосновательности, смирения и даже пассивности. Иными словами, русское «авось» – это совмещение надежды и терпения, «совпадение» их в одном слове. По наблюдениям А. Вежицкой, частица «авось» занимает важное место в русской культуре, русском народном самосознании и народной философии. «Русское авось» – «это отношение, трактующее жизнь как вещь непредсказуемую», как существование «в непознаваемом и не контролируемом рациональным сознанием мире» [Вежицкая А. 1996. С. 78 – 79].

Неслучайно, большой знаток русского языка, быта и духа русского народа, В. И. Даль, классифицируя пословицы и поговорки, включает в единое смысловое пространство выражения, содержащие смыслы «судьба», «терпение», «надежда», «авось». Таким образом, для русского менталитета эти понятия выступают как различные, но соотносимые качественные измерения единого человеческого бытия, взаимодополняющие и взаимовключающие понятия.

В сознании западного человека, напротив, терпение и надежда носят характер взаимоисключения. Подтверждением данного утверждения является отсутствие аналога русскому «авось», совмещающему в себе и надежду, и терпение.

Западные исследователи надежды (Э. Фромм, Э. Блох) единогласно выделяют активность как имманентное свойство надежды. Пассивная надежда представляет собой упование на время, смирение, терпение, примирение с существующими обстоятельствами, т.е. пассивная надежда представляет собой замаскированное отчаяние, а потому не является надеждой в собственном смысле слова. Надежда, заставляющая человека действовать, готовящая его к наступлению будущих благоприятных преобразований, является истинной надеждой.

Таким образом, русское самосознание объединяет надежду и терпение, сознание западное – противопоставляет.

Если нет на земле надежды –

То все прах.

(З. Гиппиус. Христу).

В образной поэтической форме автор выражает глубокую философскую мысль о последствиях крушения надежд: потеря смысла жизни, деструктуризация жизни, самоубийство, смерть.

Смоленный плот – последнюю надежду –

Волна в щепы разбила о скалу.

(В. Высоцкий. Вечный огонь).

Этимологически в концепт «надежда» заложено свойство служить опорой. Материализация слова «надежда» (надежда-плот) свидетельствует о значимости ее для человека, но, с другой стороны, плот представляет собой слабую опору, ненадежную. В поэтическом контексте реализуется противоречивая мысль: надежда дает опору, но эта опора может быть столь зыбкой, что и опорой в полном смысле слова не является. В философских концепциях можно также встретить противоречивые взгляды относительно способности надежды служить духовной опорой человеку.

Поэтическая интерпретация концепта «надежда» и его философское воплощение совпадают лишь отчасти. За пределами философской картины мира остаются яркие индивидуальные смыслы, отраженные в поэтическом дискурсе и позволяющие по-новому взглянуть на концепт «надежда», открыть новые аспекты его изучения, не заявленные в философских концепциях.

Иисус, детей надежда!

Прости, что я скорблю!

Темна твоя одежда,

Но я Тебя люблю.

(З. Гиппиус. Нескорбному учителю).

В религиозной философии Бог является одновременно и главным объектом надежд, и надеждой как таковой одинаково для всех верующих. В поэтическом контексте появляется мысль, глубочайшая по своему содержанию: Бог – «детей надежда».

Контингент видящих в Боге надежду сужается. Лишь дети, маленькие и неразумные, способны полагаться на Бога, как все люди, тонко чувствующие истину, доверчивые и верные?! Объяснение появлению этого смысла можно найти, если обратиться к исторической ситуации. В конце XIX – начале XX века развивается тенденция к утрате веры, к потере Бога; свершилось то, о чем давно заявил Фридрих Ницше: «Бог умер». Человек в Бога больше не верит.

Ибо радость из-под муки рвется,

И надеждой кажется мне кровь.

Пусть она за эту радость льется,

За Того, к кому моя любовь.

(З. Гиппиус. Мученица).

Новизна восприятия формируется за счет создания эффекта парадоксальности на основе нарушения логических и смысловых стандартов. В традиционном понимании кровь ассоциируется со страданием, мучением. В контексте страдания кровь и муки несут в себе надежду.

Надежда в поэтическом дискурсе отражает обыденные нужды людей:

И, кажется, надежда есть,
Что все-таки – не буду старой!
(М. Цветаева. И кажется...)

Тебе надежда,
Увы, на спасение есть!
(З. Гиппиус. Опустошение).

Научная философия находится выше обыденных представлений. Она витает в высоких сферах человеческого бытия. При соотношении поэтической интерпретации и философских воплощений надежды можно обнаружить и отличительные особенности структуры.

Традиция дуалистического мировосприятия уходит корнями в далекое прошлое. В стихотворении Е. А. Баратынского дуальность мира представлена двумя полюсами: «надежда» vs. «безнадежность».

Дало две доли провиденье
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волненье,
Иль безнадежность и покой.

Доля – участь – судьба. Согласно словарю С. И. Ожегова, «судьба – стечение обстоятельств, не зависящее от воли человека, ход жизненных событий». Имманентным свойством доли является независимость от воли человека. Чтобы сделать выбор, необходима мудрость, которая приобретается опытом. Из сказанного логически следует, что авторское понимание «доли» не совпадает с традиционным. Человек сам может выбирать свою судьбу, представленную парадигмой «надежда – безнадежность». Долю «надежда» выбирает тот, у кого бодрость и неопытность ума, кто не знаком с судьбой:

Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком...

Субъект выбора должен обладать энергией, жаждой познания, быть деятельным («крылья вам даны», «замыслы блестящие», «сердца пламенные сны»). Субъект, делающий выбор в пользу доли «надежда», не обладает мудростью, а следовательно, не может сам сделать выбор. Вероятно, доля «надежда» выпадает каждому в начале жизни.

С приобретением мудрости («судьбину испытывшие», «знание бытия приявшие») на смену доле «надежда» приходит «безнадежность». Доли «надежда» и «безнадежность» в поэтическом дискурсе реализуются через уникальные ассоциаты антонимического типа: волнение vs. покой, незнание vs. знание («бодр неопытным умом» / «знание бытия приявшие»), неопытность vs. опыт («по молве... с судьбой ...знаком» / «судьбину испытывшие»), жар vs. холод («юноши кипящие», «сердца пламенные сны» / «берегите хлад спасительный»), действие vs. бездействие («крылья вам даны» / бездейственная душа), чувство vs. бесчувственность («бездумно вдавшившись в их обман» / «бесчувствием блаженны»).

В анализируемом стихотворении отражаются естественные этапы человеческой жизни:

- 1) нет мудрости, но есть надежда;
- 2) есть мудрость – нет надежды.

Приобретение мудрости – это переход от надежды к безнадежности. Следовательно, человек не может выбирать долю «надежда» / «безнадежность». Они изначально даны провидением. Причем, доля «надежда» – это обман, сон, а «безнадежность» – пробуждение «для страдания».

Поэтический дискурс актуализирует позицию надежды по отношению к человеку. Надежда может представлять собой объект непосредственного воздействия:

Я знал любовь, но не знавал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.
(Пушкин А. С. Князю А. М. Горчакову).

Крик станций: останься!
Вокзалов: о жалость!
И крик полустанков:
Не Дантов ли
Возглас:
«Надежду оставь!»
И крик паровозов.
(М. Цветаева. Крик станций).

В ней разбудить огонь желаний
Еще надежду я хранил.
(Е. А. Баратынский. Сердечным нежным языком).

Неси мою надежду, ветер черный,
Туда, наверх, к престолу нашей Правды!
(З. Гиппиус. Опустошение).

Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим.
(А. С. Пушкин. Чаадаеву 1821).

Человек может знать надежду, оставить, хранить, нести, оживить. Следовательно, надежда представляется неким живым пассивным существом, подверженным различным манипуляциям со стороны. В философской картине мира воздействие человека на надежду ограничивается стремлением избавиться от нее, в случае негативного восприятия ее, или укрепит ее, в случае положительного восприятия.

Но чаще всего в поэтическом тексте надежда выступает в качестве активного действующего субъекта:

Лейся, мой ручей, стремись,
Жизнь уж отцвела.
Так надежды пронеслись,
Так любовь ушла.
(Вас. Жуковский. К месяцу)

Были дни – и я любила
Сны о радости земной;
Но надежда изменила.
Радость – сон в судьбе моей.
(А. В. Кольцов. Сирота)

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму.
(А. Блок. Но уж в очах...)

Я видел гроб; открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетела...
(А. С. Пушкин. Подражание)

Исчезли навсегда часы очарования,
Пора прекрасная прошла,
Погасли юные желанья.
Надежда в сердце умерла.
(А. С. Пушкин. Напрасно, милый друг)

А все надежда в сердце тлеет..
(А. Фет. Какая грусть)

Но медленно в душе твоей
Надежда гибнет, гаснет вера.
(Пушкин А. С. Руслан и Людмила)

Я легковверен был: надежда, наслажденье
Меня с улыбкою манили в темну даль.
(Е. А. Баратынский. К Креницыну)

Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом
(Ап. Майков. Поле зыблется цветами)

Смерть, трепет естества и страх!
Мы – гордость с бедностью совместна,
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
(Г. Державин. На смерть князя Мещерского)

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что надежда – живое существо («умереть», «погибнуть»), способное гореть с разной степенью интенсивности («гореть», «тлеть»), совершать движения («пронестись», «полететь»), привлекающее человека («манить»). Надежда способна не только утешить человека, украсить его жизнь («тешить сердце», «льстить»), но в то же время может «изменить». Воздействие надежды на человека оказалось разнообразнее и интенсивнее, чем человека на надежду.

В философской картине мира надежда не может быть активным действующим субъектом, тем не менее определенная степень совпадения поэтических и философских смыслов существует. Обыденное сознание через действие персонифицированной надежды раскрывает часть ее характеристик. Научно-философское сознание прибегает к описательному методу, акцентируя внимание на других компонентах надежды: «источник» и «результат крушения надежд»

Философия не учитывает возможности внешнего проявления надежды. Традиционно философия местонахождение надежды определяет в сердце и

душе человека, не фиксируя внешние признаки наличия или отсутствия надежды. Исключением является философия психоанализа, обнаруживающая надежду в жестах, поступках, речи человека.

Обыденное сознание, считающее глаза зеркалом души, усматривает наличие надежды в глазах:

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму.
(А. Блок. Но уж в очах...)

Трудно не согласиться с утверждением, что надеющегося человека выдают не только жесты, поступки, речь, но и выражение лица, в частности, взгляд. Этот тонкий, едва уловимый смысл, характеризующий надежду, научная философия не в силах постичь и описать. Как можно рациональным, логичным языком описать горящий взгляд?! Это еще раз подтверждает мысль о том, что поэзия – своего рода философия, написанная доступным языком эмоций.

В поэтическом тексте наиболее полно раскрываются заложенные в слово смыслы благодаря таким его свойствам, как многоплановость содержания, ассоциативность и образность. Поэтическая интерпретация, представляющая собой периферию обыденного знания, отражает индивидуальные аспекты восприятия надежды, в определенной степени совпадающие с индивидуальными философскими концепциями, но и вносит новые смыслы в понимание.

Литература

1. Брутян, Г. А. Язык и картина мира / Г. А. Брутян // Философские науки, 1973. №1 – С. 108-111.
2. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
3. Горелова, В. Н. Обыденное сознание как философская проблема/ В. Н. Горелова. – Пермь: Б.и., 1993. –167 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. В 4-х томах. Т. 2. – М., 1881.
5. Жогина, Н. Н. Категория надежды в осмыслении человеческого существования / Н. Н. Жогина: дис. ... канд. филос. наук. – Кемерово, 2003.
6. Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю. – М.: Терра – Книжный клуб: Республика, 1990. – 415 с.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1987.
8. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971.
9. Bloch, E. Das Prinzip Hoffnung. Bd. 1 / E. Bloch. – 1997.

Рецензент – Н. А. Прокуденко, ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».